Текст · 17 февраля 2022, 08:43
Алла Константинова,

«Ха, вы ему уже ничем не поможете. Он у вас умрет». Как в карельской колонии погиб свидетель обвинения по делу Политковской

Кикбоксер Червоня Оглы в девяностые крышевал рынок в Тамбове, а в конце двухтысячных получил срок за вымогательство денег у экс-милиционера Дмитрия Павлюченкова — организатора слежки за Анной Политковской. Потом и сам Оглы стал свидетелем по делу Политковской и давал показания против участников убийства. Свой срок он отбывал в ИК-9 в Петрозаводске, но в 2020 году перестал выходить на связь с родными, попал в тюремную больницу, впал в кому и умер. Его сестра Маргарита Войцещук провела с братом последние дни и добилась встречи с возглавлявшим ИК-9 Иваном Савельевым, которого ее брат при жизни назвал одним из своих мучителей.

В марте 2009 года в подмосковном песчаном карьере убили бизнесмена Фариза Бекирова[1]: четверо мужчин, представившись сотрудниками полиции, посадили его в «Волгу» под предлогом проверки документов и отвезли в карьер, где сначала избили, а затем вместе с еще тремя подельниками до смерти изрезали ножом. Пятерых задержали в июне, еще одного — спустя полгода. Седьмой соучастник — 33-летний Червоня Оглы — попал в СИЗО первым, через месяц после убийства. Но совсем по другому делу.

Его арестовали за вымогательство: по версии следствия, еще в сентябре 2006 года Оглы вместе с бывшим оперативником МВД Сергеем Хаджикурбановым потребовал 350 тысяч долларов у бывшего сотрудника милиции Дмитрия Павлюченкова[2]. Позже Павлюченков стал сначала ключевым свидетелем, а потом и обвиняемым по делу об убийстве журналистки «Новой газеты» Анны Политковской. Ее застрелили в подъезде дома на Лесной улице в Москве 7 октября 2006 года.

Через год обвинение в убийстве предъявили как раз экс-оперативнику УБОПа Хаджикурбанову и четырем его подельникам[3]. Дмитрий Павлюченков как свидетель получил государственную защиту — в своих показаниях он утверждал, что ему поступал заказ на слежку за журналисткой, но он отказался. В феврале 2009 года присяжные оправдали всех подсудимых, но дело вернули на доследование.

Павлюченков обвинил Хаджикурбанова в вымогательстве еще в 2008 году, когда тот был в СИЗО по делу Политковской. Но задержали Хаджикурбанова и его подельника Червоню Оглы только в апреле 2009 года, через два месяца после вердикта присяжных. «Мой арест — это месть следователей прокуратуры за оправдательный приговор по делу об убийстве Анны Политковской», — утверждал бывший оперативник, когда его брали под стражу.

С обвинением в вымогательстве Хаджикурбанов спорил: по его версии, Павлюченков присвоил деньги, которые влиятельные друзья передали семье

Хаджикурбанова, пока тот с 2004 по 2006 год отбывал срок за превышение должностных полномочий[4]. И он просил вернуть этот долг.

Через два года, в августе 2011-го, по делу Политковской арестовали и самого Павлюченкова — он признал свою вину в организации слежки за журналисткой и приобретении оружия, дал показания против соучастников и получил 11 лет строгого режима.

Благодаря показаниям Павлюченкова в деле расширился круг обвиняемых: помимо Хаджикурбанова и трех братьев Махмудовых под суд на этот раз попал их дядя Лом-Али Гайтукаев — именно его следствие посчитало основным организатором, который вел переговоры с заказчиком убийства. Присяжные со второй попытки[5] в мае 2014 года приговорили их к срокам от 12 лет до пожизненного, Хаджикурбанов получил 20 лет. На процессе он уверял, что не причастен к покушению, а Павлюченков оговорил его «из-за своих долгов».

Червоня Оглы по второму делу был свидетелем — к тому времени он уже был осужден на 15 лет заключения[6]. По делу о похищении бизнесмена вместе с ним осудили сотрудника ГУВД Москвы Олега Шошина — бывшего подчиненного Дмитрия Павлюченкова. Сам Павлюченков рассказывал, что в июне-июле 2006 года сотрудники его подразделения Олег Шошин и Дмитрий Лебедев вместе с Червоней Оглы следили за журналисткой. Шошин же говорил, что не помнит, следил ли он именно за Политковской: слежка не входила в его служебные обязанности, это

была «халтура», за которую оперативники получали по 100-150 долларов в день. «Я десять лет подряд осуществлял скрытое наблюдение, каждый день за разными людьми. Помнить, что следил именно за ней, я не могу», — уверял Шошин. Ни ему, ни Оглы обвинений в связи с этим не предъявляли.

Во время следствия Оглы давал показания о том, что Лом-Али Гайтукаев встречался с милиционером Павлюченковым и предлагал ему «поработать по Политковской». Также он говорил, что передавал участникам убийства деньги и видел, как Хаджикурбанов забрал пистолет из автомобиля Павлюченкова. «Новая газета» писала, что у Оглы было 13 очных ставок — на них он в том числе рассказывал, как вместе с подчиненными Павлюченкова следил за Политковской в 2006 году.

В суде Оглы отказался от своих слов: братьев Махмудовых не узнавал, фамилию Политковской якобы слышал лишь однажды от Павлюченкова, а о «стволе с тишиной»[7] вообще не знал[8]. Свидетель предложил «выбросить в мусорное ведро» протоколы его допросов. Как писала «Новая газета», Оглы «принялся перекладывать вину уже на осужденного Павлюченкова» и отрицал, например, что Хаджикурбанов однажды при нем ругался с кем-то по телефону и говорил собеседнику, что тот «напортачил с Политковской».

Он уверял, что Павлюченков постоянно был должен кому-то денег: «Как я его знаю — он обыкновенный мошенник. Занимался злоупотреблениями, занимал деньги... То одному должен, то второму...».

После отказа от показаний прокурор Мария Семененко обещала, что обратится в Следственный комитет с заявлением о привлечении Оглы к уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний. Она также собиралась потребовать дополнительной проверки свидетеля: по мнению прокурора, Оглы мог быть членом группы, которая убила Политковскую.

Но никаких обвинений ему не предъявили. Червоня Оглы отправился отбывать свой срок в колонию — и два года назад скончался в тюремной больнице в Карелии. Его сестра Маргарита Войцещук последний раз видела брата в 2005 году, а разговаривали по телефону в 2017-м. По словам сестры, Червоня говорил ей, что непричастен к убийству Политковской.

Два года назад Маргарита приехала в Карелию после того, как ее брат перестал выходить на связь из печально известной ИК-9 Петрозаводска — он содержался там с 2014 года. Обратно на родину Маргарита ехала уже не одна, а с трупом брата — сестра уверена, что в колонии его замучали до смерти. «Медиазона» записала ее рассказ.

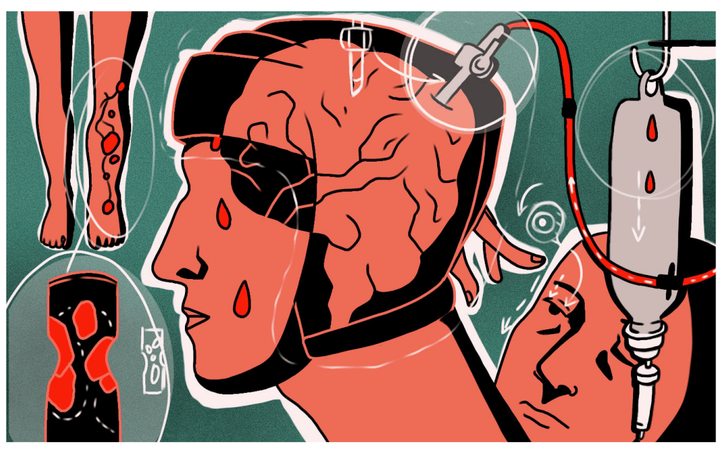

Иллюстрация: Лиза Ложка / Медиазона

«Ну их, конечно, избивают — вот и тромбы»

Максим умер 14 марта 2020 года в республиканской больнице Петрозаводска. Мне позвонила медсестра, сказала: «Ваш брат умер». Ему сделали три операции подряд: поставили дренаж, он выскочил, поставили второй. Это такая трубка в голове, из которой должна выходить жидкость, гной. Как мне сказали, у него пошел отек мозга, поэтому дренаж и понадобился. Но не помог.

Его всегда все звали Максимом, хотя по паспорту он Червоня Андреевич Оглы. По-цыгански Червоня — это Червонец, золотой, его так бабушка назвала. Макс старше меня на шесть лет, в семье нас пятеро детей: мы с матерью жили в Тамбове, я самая младшая.

Макс в юности занимался кикбоксингом, в девяностые первое место занял на соревнованиях в Липецке. Никогда не жаловался на боли никакие, хотя потом у него не стало селезенки. Когда в Тамбове жили, он крышевал рынок, назывался «Вьетнамский». Каждое утро приходил — ему вьетнамцы платили деньги, там до сих пор так платят. И что-то там у них с одним вьетнамцем случилось: он подкараулил Макса и из машины ударил его ножницами. Старыми, ржавыми — пробил селезенку. Макс был в реанимации долго.

Посадили его в 2009 году, сидел сначала в Медведково, потом в «Бутырке», его кидали туда-сюда. А в 2013-м этапировали в Петрозаводск, в девятую колонию.

Знаю, что Макс был «коронованный», приехал на зону таким. Так называют человека, который разруливает ситуации среди блатных, чтобы драк, ссор не было. Думаю, что за это его и крепили. А еще цыган

— я ведь тоже сидела[9]. Они думали, что, раз я цыганка, то я чепушила. Что меня надо бить, туалеты заставлять мыть, подметать там, где ходила милиция. Крепить, знаете, тоже можно по-разному. Я еще понимаю закрыть в СУС[10], в одиночную камеру — чтобы поголодовал человек. А в «девятке» Макса веревками привязывали, он там вниз головой висел.

Я сама отсидела 12 лет в Мордовии, освободилась в 2017 году и тогда помочь Максу никак не могла. Родители, пока живы были, два раза писали в Карелию, чтобы его перевели в другую колонию, но им приходил отказ. У Макса какая-то гематома в голове была, какая-то травма точно — конечно, от избиений она могла возникнуть — но в письмах он писать об этом не мог, адвоката просил. Звонки ему не разрешали, письма — два раза в год только. Потом родители умерли, остался брат в Тамбове — он все эти годы письма читал, но ничего не делал, не надо ему ничего было.

Маргарита рассказывает, что в 2014 году Червоня Оглы добился перевода в тюрьму №2 во Владимире и провел там три года. Но в 2017 году его перевели обратно в ИК-9 Петрозаводска. Червоня Оглы обращался тогда к руководителю УФСИН Владимирской области Андрею Виноградову. «Опасность для моего здоровья и жизни исходит от сотрудников ИК-9 Петрозаводска, а именно начальника колонии Николая Гавриленко и заместителя начальника колонии по БиОР Ивана Савельева», — сказано в написанном от руки ходатайстве[11]. За несколько дней до отъезда брат позвонил Маргарите и попросил «сделать что-нибудь», иначе он «больше не вернется».

Это были его последние слова. Тогда же по телефону он мне и рассказал в подробностях, как его в ИК-9 избивают, называл фамилию Савельева, я помню. Но что я могла сделать? Я тогда сама только освободилась, уехала в Москву. Максим пропал — я месяца полтора каждый божий день звонила в колонию, грозилась, что приеду к брату с адвокатом. Мне говорят: «А вы его не увидите». Я спрашиваю: «Почему это? К нему же никто не ездил эти годы». А они: «Он в ШИЗО сидит». Я говорю: «Ну хорошо, [срок в] ШИЗО же заканчивается, могу я приехать, когда выйдет?». Они говорят: «Да, можете». Потом звоню, а мне говорят, что он на больничке[12]. Звоню на больничку, говорю: «Хочу увидеться с братом, дадите разрешение?». А они: «Нет, он не может с вами общаться». На следующий день звоню — говорят, его этапировали обратно в Петрозаводск.

10 февраля 2020 года брат из Тамбова прислал мне в вотсапе письмо из колонии, я его уже не найду, но там была формулировка: «Вы можете забрать своего родственника?». И больше никаких подробностей. Я подумала, с ним что-то случилось, что он заболел. В тот же день прилетела в Петрозаводск, потом приехала в Медвежьегорск. [Начальник тюремной больницы Иван] Савельев тогда в отпуске был[13], и разрешение прийти в больницу мне подписал его заместитель Андреев[14]. Сказал мне тогда еще, что Максим «вежливый и нормальный пацан» и что у них в больничке все в основном лежат «с ногами». Тромбы у всех, мол. Я говорю: «Ну их, конечно, избивают — вот и тромбы». Помню, он тогда так улыбнулся и не ответил мне на это ничего.

pullQuote Title Not Realised

Кто такой Иван Савельев

До того как стать начальником ИК-9 Петрозаводска в 2019 году, Савельев работал в колонии заместителем по БиОР[15]. Заключенные, не раз

рассказывавшие о пытках в ИК-9, называли Савельева одним из главных инициаторов насилия в колонии. Однако Следственный комитет Карелии возбудил уголовное дело только после того, как в октябре 2019 года в сети появилась видеозапись, на которой начальник колонии Иван Савельев и его заместитель Иван Ковалев бьют заключенного. Несмотря на публичное обещание замдиректора ФСИН Валерия Максименко «однозначно» уволить Савельева, оба еще полгода работали в других колониях Карелии. Обвинение в превышении должностных полномочий (часть 3 статьи 286 УК) Савельеву и Ковалеву предъявили в апреле 2020 года.

Савельева сначала отправили под стражу, но спустя две недели суд изменил арест на запрет определенных действий. Ковалева суд спустя несколько месяцев отпустил из-под домашнего ареста.

Расследованию дела препятствовало управление ФСИН по Карелии — документы и вещдоки уничтожались, а готовых давать показания заключенных этапировали в дальние колонии.

В начале марта 2021 года СК завершил расследование и направил дело в прокуратуру, там сначала отказались утверждать дело, но

потом все же передали его в суд. Процесс над экс-начальником ИК-9 и его замом идет в Петрозаводском городском суде с мая 2021 года. Пока суд выслушивает позицию обвинения, выступили уже несколько десятков свидетелей.

Больница в Медвежьегорске — ужасно, изнутри будто концлагерь. Но ладно, допустим, ободранные стены. Главное — то, как там с людьми обращаются. Внутри несколько боксов, кровати в ряд. У большинства действительно перевязаны ноги и подвязаны так наверх, знаете. Там, где лежал Максим, было еще три человека, он был четвертый. Рядом с ними стояли капельницы, все без сознания, накрыты грязными простынями. Конечно, я Макса узнала сразу. На нем черная тряпка была, он тоже весь грязный лежал, худой — килограммов 40 в нем было. На ногах синяки синевато-желтые, где лодыжки, вены вздутые с другой стороны колена, язык засохший, необработанный. Потом увидела, как их там «лечат». Да никак их не лечат, ничего не дают. Только глюкозу — вот водичка капает, и все.

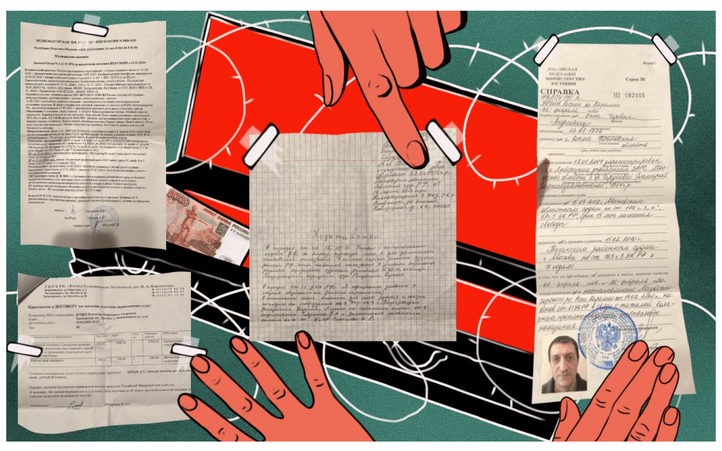

Иллюстрация: Лиза Ложка / Медиазона

Я зашла туда с конвоем, ко мне подошла лечащая врач. Сказала мне, что у брата «лопнул тромб в ноге, ударило в голову и получился ишемический инсульт, переходящий в геморрагический». Я ее спрашиваю: «А как мне ему помочь, какие лекарства, чтобы хотя бы поддержать немного организм его?». На что она

вот так мне ответила: «Ха, вы ему уже ничем не поможете. Не тратьте деньги, он у вас умрет, ему осталось чуть-чуть». Я ей: «Вы почему так говорите? Зачем раньше не написали мне это письмо гребаное, а дождались, когда он вообще будет без сознания?». А она отвечает: «Он сначала у нас тут был, а потом мы его переводили на вольную больницу[16]. Там он лежал 21 день, но потом конвою надоело с ним сидеть, и мы его отправили обратно в девятую колонию». Спрашиваю: «В таком состоянии?!». Нет, говорит, «он встал, но упал». Получается, его в колонии добили просто и привезли обратно в Медвежьегорск.

Маргарита рассказывает, что в день первого визита в РБ-2 приоткрыла брату веки и начала с ним разговаривать. Она уверяет, что брат ее узнал и даже заплакал. Женщина считает, что именно после этого медики «зашевелились» и стали настаивать на его переводе в городскую больницу Медвежьегорска якобы из-за критического состояния.

Я сняла квартиру, но практически ночевала там у больницы, разговаривала с врачами через каждые два часа где-то каждый день. 13 февраля ко мне врач выходит и говорит: «Он помирает, осталось два часа, надо быстрее перевозить!». Конвой — там был нормальный пацанчик вроде — дал мне номер телефона Савельева. Я позвонила ему, спрашиваю: «Вы сегодня в ночь? Могу я вас увидеть?». Да, знаете, я, когда надо, наглый человек. Савельев удивился, первым делом спросил меня, откуда я узнала его номер. Говорю: «По интернету». Он положил трубку.

Тогда я взяла такси и приехала к зданию больницы, времени — два часа ночи. Встретила Савельева на улице у крыльца, он выходил с каким-то мужчиной,

тоже в форме. Второй чуть ниже Савельева, худощавый такой. Я говорю: «Вы Савельев?» Он: «Я Савельев». Я сначала вежливо с ним начала разговаривать. «Здравствуйте, — говорю. — У меня брат умирает, мне сказали, осталось два часа». Он спросил фамилию брата, я ответила. И тут он говорит: «А что с ним?». Так удивленно, знаете. Как сурок из норы. «Все нормально, его же скоро освободят[17], осталось несколько дней. Вы должны быть рады».

Так и сказал. Я говорю: «Вы смеетесь, что ли? Мне сказали, два часа осталось! Это вы его довели». Смотрю ему в глаза и все это говорю. А он так издевательски: «Да вы что?». Я развернулась и пошла, говорю ему напоследок: «Вы — гондон, больше у меня слов нет». Он сначала стоял, а потом как догнал меня, руками размахивает, навис надо мной, глаза такие озлобленные забегали. Я думала, он меня там схватит и над землей поднимет одной рукой. «Что-о-о?» — такой. Я повторила: «Гондон вы». Села в такси и уехала. А утром, часов в девять, мне Савельев сам звонит и говорит: «Я вам подписал заявление, можете к брату зайти».

Дальше я действовала внаглую: пришла, сама позвонила в скорую, поругалась там с ними, поугрожала. Говорила, что напишу жалобу, в управу напишу, Путину напишу. Приехали — на тех тряпочках, где он лежал, взяли и положили в машину. Я ехала сзади на такси, смотрела, как его везут. Там на вольной больнице Макс пробыл до 27 февраля, в реанимации. Ему поставили дренаж — сказали, пошел отек мозга. Меня в реанимацию пускали, да. Я заходила туда каждый день, смотрела за ним.

И у него сначала состояние улучшилось, а потом ухудшилось. Мне медики сказали, что «надо было его дней на 10 раньше перевезти», а так поздно уже. Сами вызвали скорую, 27 февраля его увезли с конвоем в республиканскую больницу в Петрозаводск, тоже в реанимацию. Потом коронавирус начался, карантин — меня в больницу не пускали. А 14 марта он умер.

Когда я забирала его вещи из медвежьегорской больницы, мне отдали деньги, которые остались на его счету во ФСИН-магазине. Я ему в ноябре переводила пять тысяч, он просил. Так из них он потратил, по-моему, тысячу с небольшим рублей всего. Хотя у него не было ни продуктов, ни моющих средств. Знаю, что его заставляли есть из посуды для униженных, но он не поддавался, поэтому там еду он точно не ел тоже. Они хотели его сломать, но у них не получалось — и вот он сидел в «одиночке», а этот человек, Савельев, его бил.

Тело брата я везла в Тамбов сама. Перед этим ходила в морг, в ЗАГС, подписала какие-то бумажки. Везла на машине, на «Мерседесе», в гробу. Когда приехала, разговаривала с адвокатом: я хотела с Савельевым что-то сделать. Но адвокат просила денег, а у меня не было возможности. Макса мы похоронили. Я уверена, что его просто убили.

Редактор: Егор Сковорода

1. События описываются по тексту приговора Московского городского суда, вынесенного 15 марта 2012 года, копия есть в распоряжении редакции.

2. Павлюченков — подполковник милиции в отставке, занимал должность начальника 4-го отделения Оперативно-поискового управления (ОПУ) ГУВД города Москвы, которое занималось в том числе наружным наблюдением.

3. Помимо Хаджукурбанова (следствие считало его организатором), это братья Ибрагим и Джабраил Махмудовы, которые, по версии обвинения, следили за журналисткой, а третий брат — Рустам Махмудов — застрелил ее. Последний был в бегах до 2011 года. Еще один обвиняемый — сотрудник ФСБ Павел Рягузов. Его сначала подозревали в причастности к покушению, но в итоге вместе с Хаджикурбановым судили по другому эпизоду (о вымогательстве у бизнесмена).

4. За избиение трех человек Хаджикурбанов в 2004 году получил 4 года лишения свободы, позже срок снизили на два года.

5. Новый состав обвиняемых судили две коллегии присяжных: в ноябре 2013 года Мосгорсуд принял решение распустить первый состав, когда двое присяжных попросили освободить их от обязанностей по состоянию здоровья, а третий сослался на служебную необходимость. Присяжных осталось меньше необходимых 12, и коллегию пришлось набирать заново.

6. Сначала 15 февраля 2010 года Таганский суд Москвы приговорил его к 9 годам заключения за вымогательство у Павлюченкова. 30 января 2012 года Московский областной суд дал ему еще 10 лет по делу о похищении и убийстве Фариза Бекирова — в результате сложения сроков получилось 15 лет.

7. Пистолете с глушителем.

8. При этом работник автосервиса Олег Голубович утверждал в суде, что Оглы лично рассказывал ему о том, как кому-то передавал «ерунду с тишиной» — в автосервисе, где работал Голубович, члены группировки обсуждали готовящееся убийство.

9. Маргарита с 2005 по 2017 год отбывала наказание в ИК-3 в Мордовии по части 3 статьи 228 УК (незаконное хранение наркотических веществ в особо крупном размере).

10. Отряд со строгими условиями содержания.

11. Есть в распоряжении «Медиазоны».

12. В тюремной РБ-2 Медвежьегорска.

13. После возбуждения уголовного дела о превышении должностных полномочий в 2019 году Ивана Савельева не уволили из УФСИН Карелии, а перевели на должность начальника тюремной больницы в Медвежьегорске.
14. Алексей Андреев до сих пор числится замначальника РБ-2.
15. Замначальника по безопасности и оперативной работе.
16. В городскую больницу Медвежьегорска.
17. 14 февраля 2020 года Червоню Оглы освободили от отбывания наказания «в связи с тяжелой болезнью» (часть 3 статьи 175 УИК), однако на сайте Медвежьегорского городского суда карточки заседания нет — по телефону «Медиазоне» ответили, что «карточки никакой не будет, потому что материал рассматривался в закрытом судебном заседании».